

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Ответственный за рубрику: *Муслимов С.Ш.*
© Исламоведение. 2020. Т. 11, № 3 (45)

ACADEMIC LIFE
Person in charge of the section: *Muslimov S.Sh*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2020. Vol. 11, № 3 (45)

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-113-119

УДК 297.1

*М.Я. Яхьяев*¹

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.07.20

Передана на рецензию: 28.07.20

Получена рецензия: 30.08.20

Принята в номер: 05.09.20

Рецензия на монографию Акаева В.Х. «Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры»

Дагестанский государственный университет; muchtar59@mail.ru

В рецензии дается характеристика научной монографии В.Х. Акаева «Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры». В ней подчеркиваются особенности, выявленные в последовательно проведенном анализе многообразных предпосылок зарождения и распространения ислама, осмыслении его базовых принципов, тесной увязке эволюции суфийской культуры с развитием мусульманского общества. Как преимущество авторского подхода отмечается проведенный им всесторонний анализ суфийской культуры и рассмотрение основных тарикатов суфизма как неразрывной части жизни социума, в котором они проявляются и играют неоднозначную роль. В качестве отличительной особенности монографии отмечается сосредоточенность ее автора на специфике становления суфийских братств в различных регионах мусульманского мира, и прежде всего на Северном Кавказе. Проведенный в рецензии структурный анализ монографии показывает, что автор через все исследование красной нитью проводит мысль о том, что арабо-мусульманская культура не может и не должна рассматриваться как аномалия в развитии человечества, так как она является одним из общечеловеческих способов социокультурной организации общества, находящегося во взаимодействии с иными культурно-историческими типами. А радикалистские, экстремистские проявления в исламе в корне противоречат внутренней сути этой религии, ориентированной на объединение людей на основе равенства, братства, социальной справедливости. В рецензии высказываются также замечания по поводу встречающейся местами противоречивости выводов автора, перегруженности монографии описанием эмпирического материала и погрешностей технического характера.

Ключевые слова: *ислам, арабо-мусульманская культура, суфизм, тарикат, радикализм, ваххабизм, Северный Кавказ.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-113-119

UDC 297.1

*М.Я. Yakhyaev*²

Information about the article

Received: 27.07.2020.

Submitted for review: 28.07.2020.

Review received: 30.08.2020.

Accepted for publication: 05.09.2020.

¹ *Мухтар Яхьяевич Яхьяев* – профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук ДГУ, доктор философских наук, orcid.org/0000-0003-2243-7222.

² *Yakhyaev Mukhtar Yakhyaevich* – Dr. of Sc. (Philosophy), professor, head of the Philosophy and Socio-Political Sciences Department, Dagestan State University, orcid.org/0000-0003-2243-7222.

Review of V.Kh. Akayev's Monograph "Sufism in the Context of Arab-Muslim Culture"

Dagestan State University; muchtar59@mail.ru

The reviewer outlines the content of V.Kh. Akayev's scholarly monograph "Sufism in the context of Arab-Muslim culture", highlighting such its features as a consistent analysis of the diverse prerequisites for the origin and spread of Islam, the interpretation of its basic principles, and linking the evolution of Sufi culture with the development of Muslim society. The reviewer notes that the author provides a comprehensive analysis of Sufi culture and considers the main tariqas as an integral part of public life, where they find expression and play a controversial role. A distinctive mark of the monograph is its focus on the specifics of the formation of Sufi tariqa in various regions of the Muslim world, and, chiefly, in the North Caucasus. The structural analysis of the monograph carried out in the review shows that the author permeates the idea that Arab-Muslim culture cannot and should not be viewed as an anomaly in the development of humanity, since it is one of the universal ways of socio-cultural organization of society that is in interaction with other cultural and historical types thereof. Meanwhile, the radicalistic and extremist manifestations in Islam fundamentally contradict the inner essence of this religion focused on uniting people on the basis of equality, brotherhood, and social justice. The reviewer also comments on some inconsistency in the author's conclusions, as well as the redundancy of empirical material and some errors of a technical nature.

Keywords: *Islam, Arab-Muslim culture, Sufism, tariqa, radicalism, Wahhabism, North Caucasus.*

Вышла в свет фундаментальная научная монография известного российского исламоведа, доктора философских наук, профессора, члена редакционной коллегии нашего журнала Акаева Вахита Хумидовича «Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры (Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. – 513 с.). Событие примечательное уже тем, что маститый автор представляет в ней результаты своих многолетних наблюдений и раздумий над одной из самых животрепещущих проблем современного общественного развития, пытается осмыслить суфизм как аскетическое, мистическое, религиозно-философское течение, определить его место и роль в арабо-мусульманской культуре. Для этого автор подвергает последовательному анализу исторические, социальные, духовно-культурные предпосылки зарождения и распространения ислама, осмысливает его базовые принципы, устанавливает взаимосвязь этнических и региональных компонентов, вовлеченных в его становление.

От множества появившихся в последние десятилетия монографий и статей, в которых предлагается преимущественно отвлеченный от жизни, абстрактный анализ суфизма, исследование В.Х. Акаева выгодно отличается тесной увязкой суфийского учения с тенденциями исторического развития и современного состояния самых различных аспектов жизни общества. Суфийская культура, основные тарикаты суфизма анализируются в ней не сами по себе, а как неразрывная часть жизни социума, в котором они проявляются, и как значимый фактор, играющий неоднозначную роль в жизни мусульманской уммы.

Заслуживает пристального внимания предлагаемая автором систематизированная характеристика основных этапов развития исламской религии как целостного культурно-исторического феномена. Содержательно раскрывая доктринальные аспекты ислама в целом и суфизма в частности, особое внимание автор уделяет особенностям становления традиционных суфийских братств в

различных регионах мусульманского мира, и прежде всего на Северном Кавказе. Историю ислама автор рассматривает сквозь призму взаимоотношений суфизма и ваххабизма, выявляя их догматическую и религиозно-политическую конфликтность. В итоге автору удается избежать односторонних оценок их противостояния и акцентировать внимание на возможных точках соприкосновения и установления диалога между ними как важнейшего условия утверждения внутриисламского мира и согласия.

Свою задачу – определение места суфизма в исламской культуре, его роли в развитии духовно-культурной жизни мусульманской уммы – автор реализует, осмысливая разнообразные предпосылки становления региональных форм суфизма, выявляя их этнические особенности. С целью понятийного выражения особенностей региональных форм суфизма, бытующих на Северном Кавказе, автор вводит в научный оборот термин «северокавказский суфизм», в содержание которого включает распространенные в этом регионе местные варианты тарикатов – накшбандийа, кадирийа и шазилийа.

В структурном плане монография состоит из пяти глав, каждая из которых разделена на 3–4 параграфа. В первой главе монографии «Арабо-мусульманская культура как целостный феномен» осмыслению подвергаются концептуальные подходы, характеризующие ислам, освещаются исторические и социокультурные предпосылки его зарождения и распространения, особенности, отличающие ислам от иных цивилизационно-культурных образований, устанавливаются общие аспекты межкультурного взаимодействия. В ней арабо-мусульманский культурно-исторический тип интерпретируется как специфический полилинейный феномен, вовлекший в орбиту своего влияния разные народы и страны, относящиеся к самым различным цивилизациям и культурам, а также вскрывается универсальный характер базисных принципов ислама: таухида (единобожия), веры в ангелов, веры в священные книги, веры в пророков и веры в загробную жизнь. Красной нитью через все исследование проводится авторская мысль: «Арабо-мусульманская культура является системой материальных и духовных ценностей, освоенных различными народами, принявшими ислам, адаптировав его базовые положения к бытующим моделям этнокультур, многие положения которых включаются в социокультурное бытие общества» (с. 47). Она дополняется убежденностью автора в том, что и фундаментализм как культурная установка в исламе «основывается на его базовых принципах, черпает свой духовно-идеологический и социокультурный ресурс из коранического текста и Сунны» (с. 91). Проведенный анализ подводит В. Акаева к вполне обоснованному выводу о том, что исламизм «является откровенной реакцией на процессы модернизации и глобализации, часто приводящие к утрате традиционных ценностей, религиозному индифферентизму и принижению в обществе нравственного, гуманистического начала» (с. 92).

Интересно и то, что В.Х. Акаев увязывает политический и культурный успех ислама с его гибкостью и толерантностью, аргументируя этот тезис тем, что распространение ислама происходило не только насильственными, но и мирными способами, путем его приспособления к местным и региональным этнокультурным массивам. Он показывает, как часто под влиянием ислама этнокультурные элементы сакрализировывались и занимали соответствующее место в системе арабо-мусульманской культуры. На примере рассмотрения взаимосвязей этнокультурных особенностей народов Северного Кавказа и ценностей ислама автор демонстрирует, как конкретные народные обычаи, традиции, моральные нормы, правовые системы

подвергались исламизации и сами становились факторами культурного многообразия ислама. А консерватизм, укорененность традиционной этнической культуры, ее доминирование в жизни этносов, подвергавшихся исламизации, способствовали формированию конкретной модели культуры.

Вторая глава монографии «Суфизм как составная часть арабо-мусульманской культуры» посвящена рассмотрению социокультурных предпосылок зарождения суфизма, определению его места и роли в исламе, этапов его эволюции, взаимосвязей структурных блоков. Характеризуя различные аспекты суфизма, в частности аскетизм, автор само возникновение суфизма увязывает с социальным протестом беднейших слоев мусульманского общества против правителей, погрязших в пороках, отошедших от изначальных религиозных и социальных норм. Он показывает, как суфизм, возникнув в форме протеста против практики исламской ортодоксии и специфического вызова правителям и духовенству, постепенно эволюционировал в религиозно-мистическое учение, нацеленное на поиск индивидуального пути, ведущего к Богу. Вскрывая сущностные характеристики суфизма как религиозно-философской доктрины, В. Акаев аргументирует вывод о том, что суфийский мистицизм – это «новый этап в эволюции суфизма, внесший смягчение, духовно-нравственное «просветление» в суровое учение ранних аскетов» (с. 182). Последующий анализ эволюции суфизма производится автором в тесной увязке с духовными традициями суфийских братств, количество которых превышает 600 «орденов», а деятельность основана на тарикатах, сложившихся в разных регионах мусульманского мира. Подчеркивая имманентный и в то же время незавершенный характер суфизма в контексте ислама, В. Акаев характеризует его как существенный мистический, нравственно-гуманистический культурный компонент религии.

Третья глава монографии «Историко-культурные особенности суфизма на Северном Кавказе» посвящена рассмотрению исторических фактов, связанных с экспансией ислама в данный регион, анализу противоречивых процессов взаимодействия ислама с местными кавказскими культурами, выявлению социокультурных предпосылок появления и распространения суфизма в этом регионе. В ней автор освещает сложности процесса утверждения ислама в регионе, особенности его адаптации и функционирования в условиях полиэтничного, поликонфессионального общества. На основе рассмотрения эпиграфических памятников, арабо-графических текстов, высказываний путешественников, датируемых XI–XVII веками, он формулирует тезис об очаговом характере распространения суфизма на Северном Кавказе. А распространение накшбандийа-халидийа в регионе увязывается им с сопротивлением кавказских горцев завоевательной политике российской империи. Особое внимание в главе уделено трансформации накшбандийа-халидийа в мюридизм, который в период Кавказской войны превратился в идеологию горского сопротивления царской колонизации.

Интерес представляет и предположение автора, что распространение тариката кадирийа было идейно-политической реакцией на последствия Кавказской войны, доведшей чеченский этнос до физического истощения и духовного упадка. В. Акаев характеризует это новое суфийское учение, у истоков которого стоял Кунта-Хаджи, как миролюбивую и гуманистическую идеологию, прямо противоречащую мюридизму с его газаватом и призывами к продолжению войны. Рассматривая особенности утверждения тариката шазилийа, появление которого в Дагестане связано с именем шейха Сайфуллы-Кади Башларова, автор обращает внимание на то, что шейх Саид Афанди Чиркейский в своих проповедях подчеркивал, что между

региональными формами тариката нет принципиальной разницы, ибо все они – пути, ведущие верующего к Единому Аллаху. В целом эта глава, в которой представлен достаточно детальный анализ основных этапов эволюции и распространения различных тарикатов в Чечне и Дагестане, способствует пониманию особенностей функционирования тарикатов, суфийской культуры в регионе.

В четвертой главе «Социокультурная несовместимость суфизма и ваххабизма» В.Х. Акаев анализирует основные социокультурные различия и конфликтные линии, предопределившие идейную, политическую и культурную несовместимость суфизма и ваххабизма. Ваххабизм в ней характеризуется как догматико-правовая школа пуританского направления, зародившаяся в первой половине XVIII в., решительно осуждавшая нововведения (бид'а), появившиеся в исламе в ходе его историко-культурного развития и не имеющие обоснования в Коране и Сунне, не подтвержденные иджмой. Автор отмечает, что политическая и идеологическая несовместимость суфизма и вахабизма постепенно привела на Северном Кавказе к прямым конфликтам и вооруженным столкновениям. Для понятийного выражения специфики исламизма, отграничения местных форм проявления ваххабизма от «классического ваххабизма», бытующего в Королевстве Саудовской Аравии и других мусульманских странах, автор вводит в оборот термин «северокавказский ваххабизм». Он показывает, как для местной мусульманской культуры последний стал явлением антагонистическим, несовместимым с утвердившимся здесь исламом. В целом религиозная и политическая практика «северокавказского ваххабизма» характеризуется В. Акаевым как экстремистская, направленная не только против традиционного ислама и его носителей, но и против государственной власти.

Пятая глава «Радикалистские тенденции в исламе – социокультурная угроза обществу и государству» раскрывает общие черты радикалистских тенденций в исламе и его региональные особенности. Давая предельно общую характеристику исламскому радикализму как совокупности религиозно-политических идей и действий, нацеленных на экономические, политические и духовно-культурные изменения в странах с мусульманским населением в строгом соответствии с шариатом, автор отграничивает его как от исламизма, так и от фундаментализма. На обширном фактологическом материале он показывает явно выраженный экстремистский характер идейной и политической практики ваххабитов на Северном Кавказе, ее общественную и государственную опасность. Он пишет о несовместимости проекта создания «кавказского халифата» с традиционными духовными ценностями северокавказских этносов и приходит к выводу о том, что радикалистско-экстремистские идеи, возникающие в арабо-мусульманской культуре, требуют «хирургического» вмешательства со стороны государства, общества и духовенства. Без этого подобные девиации могут аннигилирующе воздействовать на культурные нормы общества, радикализируя его. «Северокавказский ваххабизм» характеризуется автором как проявление болезни в традиционной культуре народов Северного Кавказа, как религиозная форма девиации.

В.Х. Акаев убежден, что арабо-мусульманская культура не может и не должна рассматриваться как аномалия в развитии человечества, ибо она является одним из общечеловеческих способов социокультурной организации общества, находящегося во взаимодействии с иными культурно-историческими типами. Радикалистские, экстремистские течения в исламе, террористические деяния исламистских группировок противоречат духу ислама, ориентированного на объединение людей на основе равенства, братства, социальной справедливости. Судьбы народов мира и

созданных ими культур находятся в прямой зависимости от интеграционных процессов. Столкновение цивилизационно-культурных систем без активного культурного диалога, взаимопонимания может привести к тяжелым социальным, нравственным последствиям для человечества. Не материальная и культурная агрессия, а признание паритета культур – вот необходимое условие для культурного равновесия и прогресса человеческого общества.

Завершается монографическое исследование констатацией особой значимости для современной России достижения христианско-мусульманского взаимопонимания, важности создания для этого широкой сети духовно-культурных и исследовательских центров, нацеленных на изучение способов формирования уважительных, толерантных отношений между этносами и конфессиями.

Несмотря на несомненные достоинства монографии В.Х. Акаева, она не лишена и отдельных противоречий и погрешностей. Поэтому представляется необходимым высказать некоторые замечания и пожелания.

1. В монографии встречаются утверждения, которые представляются автору абсолютно истинными, но они не могут считаться научно выверенными, обоснованными. К примеру: «Вера в единого Бога наряду с чувством собственного достоинства воспитывает в нем скромность, не позволяет ему быть высокомерным, эгоистичным, формирует в нем добродетельность, честность, чистоту души, бесстрашие, избавляет от зла и алчности» (с. 89). Такими же не вполне обоснованными предстают и утверждения типа: «Терроризм не имеет религиозной основы, хотя очень часто он облекается в исламские одеяния. Терроризм и ислам – понятия несовместимые, их отождествление не только некорректно, но и дезориентирует как немусульман, так и мусульман» (с. 434). «Ислам несовместим с жестокостью, насилием, тем более с терроризмом, осуществляемым под религиозными лозунгами» (с. 440). Автору следовало бы развернуть аргументацию подобных утверждений и не ограничиваться провозглашением тезисов о том, что терроризм не имеет религиозной основы или терроризм несовместим с исламом.

2. В некоторых местах монографии автор выражает солидарность с позицией А.А. аль-Маудуди, утверждающего, что «ислам в мире распространялся не оружием, а силой убеждения» (с. 88). Вместе с тем проведенный авторский анализ распространения ислама в Дагестане и Чечне, особенно в период с VII по XIII век, показывает обратное, а именно, что ислам навязывался местным сообществам преимущественно насильственными средствами. «Нашествию арабов на Северный Кавказ противостояли объединенные войска хазар, аварцев, лезгин, лакцев, нахов и др. Для этих народов, в основном исповедовавших язычество, арабы со своей религией долго оставались завоевателями, посягавшими на их жизнь и духовные ценности» (с. 226). «В отношении горцев-язычников арабы проводили насильственную политику исламизации, а противящихся жестоко наказывали» (с. 227). Таким образом, история распространения ислама предстает более сложным и противоречивым процессом, включавшим в себя как мирные, дипломатические, так и насильственные, военные средства.

3. Читатель, знакомясь с параграфом ««Шахидизм» как религиозно-политическая реальность», вправе рассчитывать на получение полного представления об этом исламском феномене. Однако анализ содержания феномена «шахидизм», его причин и особенностей проявления автор смещает в конец параграфа, ограничиваясь при этом описанием множества примеров терактов, совершенных ваххабитами, террористами и смертниками. Здесь, как и в ряде других мест, следовало бы от описания

эмпирических данных перейти к осуществлению необходимых теоретических обобщений, что важнее для научной монографии.

4. Часто автор приводит мнения других исследователей и не сопровождает их ссылками на источник. В работе много неточностей технического характера, грамматических и стилистических ошибок, порою встречаются невыверенные предложения: «В 30-е годы нынешнего столетия...», «На подготовку женщин-террористок уходят подчас не одни сутки», «Категорически запрещается использование ее в качестве живых бомб» (с. 435).

5. Работа в отдельных своих параграфах и главах страдает перегруженностью фактологическим материалом из истории и современной жизни республик Северного Кавказа. Осмысливая животрепещущие проблемы исторического бытия и современного состояния, в частности чеченского народа, как нам представляется, автору следовало бы более основательно сосредоточиться на философском, религиоведческом обобщении роли и места суфизма в арабо-мусульманской культуре.

Высказанные замечания вполне могут быть учтены автором в ходе дальнейшего исследования или при подготовке второго издания монографии. А сегодня же мы можем поздравить и автора, и читателей с фундаментальной монографией, осмысливающей животрепещущие проблемы современного духовно-культурного, религиозного и общественно-политического развития мусульманского мира.

Уверены в том, что монография В.Х. Акаева может быть полезной не только для ученых-исламоведов, студентов светских и религиозных образовательных учреждений, но и для широкой общественности, интересующейся проблемами сущности и существования исламской религии и культуры.

Литература

1. Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры: монография. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. – 513 с.

References

1. Akaev V.H. *Sufism in the context of Arab-Muslim culture. Monograph*. Grozny. SUE Book Publishers, 2020. 513 pp.